

Самое интересное еще впереди

Академик РАН Виктор Антонович Садовничий — безусловный лидер отечественного образования. 22 года он трудится на посту ректора Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, и многим кажется, что он был на этой должности всегда. Хорошо помню, как пришла учиться в МГУ, и 1 сентября нас приветствовал Виктор Антонович, говорил много хороших слов — в первую очередь добрых, а уже во вторую — напутственных. И когда мы окончили МГУ, он, по-отечески улыбаясь, отпускал нас во взрослую, самостоятельную жизнь. В академических справочниках Виктора Антоновича называют ученым с мировым именем: им найдено окончательное решение так называемой теории следов для обыкновенных дифференциальных операторов, созданы системы алгоритмического и программного обеспечения подвижных тренажеров, осуществляющих динамическую имитацию управляемого аэрокосмического полета, а результаты анализа и синтеза этих процессов использованы для практической подготовки космонавтов на действующих тренажерах. Не вызывает сомнений, что он сделал в науке много важного и нужного. Однако у большинства Виктор Садовничий ассоциируется именно с университетом. Мы говорим Садовничий, а подразумеваем МГУ, и наоборот. Подчас те или иные его действия на посту ректора подвергаются критике, однако сам Виктор Антонович по этому поводу замечает: «Если кто-то сомневается, что мы лучшие, значит, надо работать!» И работает — так много, что иногда непонятно, когда он отдыхает и отдыхает ли вообще.

Беседу вела Наталия Лескова

Виктор Антонович, обычно учеными становятся те, у кого есть к этому семейная предрасположенность. У Вас же, похоже, совсем не так. И трудовую деятельность Вы начинали на шахте. Как же Вас занесло в большую науку?

Я родился в маленьком селе Краснопавловке на Харьковщине, там было в то время всего несколько домов. Тогда прокладывали железную дорогу Москва — Симферополь, и она прошла через наше село. Я появился на свет в 1939 году, как раз перед войной. Война в Краснопавловку пришла стремительно. Фронт менялся семь раз. Отец воевал рядовым, а я и мой старший брат с мамой остались дома, и самое страшное, что мы были в ста метрах от железной дороги. Когда немцы бомбили, мама хватала нас и бежала в степь. Мне было три года, но я очень хорошо это помню.

В 1945 году уже в конце августа к нам во двор зашел незнакомый человек и говорит: «А где мамка?» Я отвечаю: «Там, в хате». Оказывается, это отец вернулся с войны. В школу я пошел в 1946 году там же, в Краснопавловке. Это был один класс, а школа находилась в избе через одну от нашей. Учительница была тоже, конечно, одна. Уже в 50-е годы построили кирпичную школу. Ее я пытался окончить. Почему пытался? Да потому что знаний, которые она давала, мне было уже недостаточно. И стало ясно, что поступать в институт из этой школы нельзя. А я мечтал учиться, хорошо понимал математику. И мы с тремя ребятами договорились рвануть туда, где дают паспорта. Это могла быть только шахта. Так что на шахту я попал для того, чтобы получить возможность учиться.

И Вас сразу приняли на работу?
Не сразу. Ночью сели в проходящий поезд, конечно, без билетов, «зайцами» и договорились ехать, пока не увидим террикон. К утру

приехали на шахту — помню, она называлась «Никитская». На нас посмотрели: «Пацанов не берем. Идите на “Комсомолец”, там всех берут». — «А где этот „Комсомолец“?» — «Да километра четыре пройтись». Мы пошли. Начальник отдела кадров на нас посмотрел оценивающе. Я был покрепче, и меня определили сразу в забой. Шахта была без электричества, только лошади — животину опускают, и она там погибает. Жалко было их очень.

В науке, особенно математической, нередко сочетаются две вещи — внешняя чужаковатость и гениальность.

Второй вопрос: где жить? Нам сказали — снимайте квартиру. Нашли землянку, где дед и бабушка были хозяевами. Стояли четыре койки. На второй день два моих товарища подрались, дошло даже до поножовщины, я их развел и наутро отправил домой.

Выходит, Вы уже тогда были лидером?

Я был старшим, а старших у нас слушались. Хотя разница в возрасте была где-то полгода... Мы остались вдвоем. Стали работать на шахте. Он коногоном, я в забое. Из землянки нас выселили, поскольку мы платили только за двоих. Я пошел искать угол, нашел какое-то жилье в семье, потом нас выселили и оттуда. Стали искать общежитие. Я обратился в шахтоуправление, и нам выделили место. Захожу в комнату, там сидят трое и играют в карты. Чуть позже я понял, что это зеки: они не работали, с утра до вечера только играли в карты.

Но вот что интересно. Я получал 500 рублей — в то время это почти машина. Приносил их в комнату и при них клал в чемоданчик, так за все время у меня ни копейки не пропало. Иногда они говорили: «Витя, займи, проигрался». И я занимал. Главный у них был Мишка, когда я при-

ходил, он всегда говорил своим: «Тише, Витька пришел, не орите». Я ведь еще занимался после работы, чтобы школу окончить. Так прошло два года.

Забой был вертикальный, мы работали на глубине 500–600 метров. Вода там была соленая, и у меня через месяц работы вся кожа стала красной. Я не мог ходить. Пошел в поликлинику, а врач сказал: «Ничего, иди, работай» и не дал мне освобождения

ни на день, хотя я еле ноги таскал. Но потом привык. На глубине 600 метров холодно, моя задача — рубить пласты, и это непростая работа. Кстати, шахта Стаханова была в трех километрах от моей, и, когда мы слышали про его трудовой подвиг, пытались повторить. Но это было что-то немыслимое.

Правда ли, что Вы собирались поступать в сельхозакадемию?

Да, и даже отправил туда документы. О МГУ не смел и мечтать. А мой школьный товарищ, он был уже начальником участка, говорит: «А я в МГУ на юрфак». И стал уговаривать ехать с ним. Давай, дескать, я твои документы перешлю в Москву. Я был уверен, что это невозможно. Но утром он приходит и говорит: «Я твои документы послал на мехмат МГУ, ты же у нас математик». Дело в том, что я в своей сельской школе даже вел уроки математики. У нас одно время был учитель Николай Казаченко, хороший мужик, фронтовик, но он ничего в математике не понимал, и я вел уроки за него. Он сам мне говорил: «Давай, Витя, веди урок». Так началась моя преподавательская деятельность...

Пошел я в комнату прощаться с ребятами. Мишка подарил мне костюм и часы. Внутренне

Фото: ИТАР-ТАСС / Михаил Метцель.
Президент России В.В. Путин и ректор МГУ им. М.В. Ломоносова В.А. Садовничий, получивший орден Александра Невского, на церемонии вручения государственных наград РФ в Кремле

я испугался страшно. Было ясно, что костюм они где-то ночью взяли. А ведь кругом милиция, и меня могут в любой момент с этими вещичками повязать. Я говорю: «Миш, умоляю, забери этот костюм». Он понял и не стал настаивать. А часы я взял и, будучи уже доцентом мехмата, их носил. Сейчас не знаю, куда они делись. Тогда Миша сказал мне: «Ну, в люди пошел». Больше я на шахте не бывал, хотя и хотел бы. Недавно в связи с событиями на Украине показали по телевизору шахтоуправление «Комсомолец» — все родное, ничего не изменилось за эти годы. Плеть, терриконы те же, хоть сейчас иди в забой.

И в 1958 году Вы стали студентом мехмата МГУ.

Это было непростое для нашей науки время — всю шла травля кибернетики. Академик Колмогоров, выдающийся математик, мне покровительствовал. Часто я ходил с ним на разные мероприятия. И как-то я спросил: «Андрей Николаевич, а Винер, отец кибернетики, американец, действительно сделал нечто выдающееся?» И Колмогоров ответил: «Ничего он не сделал. На самом деле все, что ему приписывают, сделал я». И действительно основы теоретической кибернетики заложил Колмогоров. Мы и здесь были первыми.

Но практически эта наука почти не развивалась в силу того, что по политическим причинам у нас не признавалась. Андрей Николаевич Тихонов, мой научный руководитель, был первым, кто сумел разорвать этот порочный круг. Он стал инициатором создания факультета математики и кибернетики. Его не очень-то принимали, и тогда он пошел на хитрость — обратился к Келдышу. Петровский, Келдыш и несколько министров обороны подписали обращение в Политбюро, благодаря чему в МГУ впервые появился такой факультет, куда ушла часть мехмата, и академик Тихонов стал его деканом. Всегда были люди, которые свято верили в кибернетику, но только Тихонов сумел порвать тяжкие политические оковы. Долгие годы существовал запрет на эту науку как якобы заменяющую мозг человека. В 60-е годы я участвовал в дискуссии, которую вел Колмогоров: может ли суперкомпьютер заменить мозг человека? Это было чрезвычайно интересно.

На мехмате всегда было много людей неординарных, чудаковатых. Каково Ваше отношение к таким людям?

В науке, особенно математической, нередко сочетаются эти две вещи — внешняя чудаковатость и гениальность. Гений — человек, кардинально отличающийся от остальных. Нередко его принимают за больного, сумасшедшего. Я никогда не спешу навешивать ярлыки. У меня был ученик Володя Дубровский. Помню, как он впервые подошел ко мне и сказал, что у него вообще-то другой руководитель, но он хотел бы посетить мой семинар. Говорит: «Поставьте мне трудную задачу». Смотрю на него и думаю — странный парень, черный такой, в очень сильных очках... И я поставил ему задачу, зная, что она нерешаемая. Он копал год, два

и выдал один результат, потом второй, третий... Я увидел, что это просто необъятный талант. Хотя и очень странный.

Оставил его в аспирантуре, он защитил кандидатскую, потом докторскую в 32 года, решил эту задачу, уехал работать в Магнитогорск, возглавил там кафедру. Так вот, человека, равного ему по таланту, я не знаю. Умер он от инсульта, хотя официальный диагноз у него был шизофрения. При этом его вклад в математику просто бесценен.

Года четыре назад во время конкурса «Учитель года России» (я там возглавляю жюри) одна девушка, молодой учитель математики, раскладывает

лист Мебиуса. И я слышу, что рассказывает она очень грамотно. Спрашиваю: «Наташа, а откуда Вы это знаете? Где учились?» — «Магнитогорский пединститут». — «А кто ваш научный руководитель?» — «Владимир Васильевич Дубровский». И мне все стало ясно. Ее после этого назвали моей внучкой.

Она стала победителем конкурса, и по правилам на следующий год мы должны были поехать в Магнитогорск. Володи уже не было, но на стене висела табличка с его именем. Меня переполняла гордость. То же и Перельман. Задача, которую он решил, обычными способами не решается. Топологи бились — тупик. А Перельман придумал вот что. Он взял уравнение теплопроводности, или потоки Риччи, и вообра-

зил, что тело нагревается. Иначе говоря, продемонстрировал совершенно другой подход, нетривиальный. И математически, и физически. Таким образом он смог доказать теорему Пуанкаре, которая другим оказалась не под силу. Я незнаком с Перельманом, но мне он почему-то напоминает Володю — тот тоже был странный, но беззлобный человек, я бы даже сказал беззащитный. Он часто ночевал у меня, потому что некуда было пойти. Нередко подобных людей

среда не принимает, отвергает, над ними смеются, издеваются, но они гении. Нельзя дать им пропасть. На мехмате такие не редкость, и я их очень ценю. Это люди с искрой Божьей.

МГУ остается вузом, куда очень сложно поступить из-за большого количества вступительных испытаний. Действительно ли нужны внутренние экзамены? Неужели ЕГЭ недостаточно?

Меня часто упрекают в том, что у нас в МГУ слишком много испытаний. Действительно, помимо ЕГЭ необходимо сдать еще наши «внутренние» экзамены. Но это оправданная мера — мы хотим обучать только тех, кто действительно способен учиться. А это нелегко.

В свое время, когда ЕГЭ победно шагал по земле, я выдвинул идею проведения олимпиады. У меня было очень много противников, но в этом году в олимпиадах участвуют 800 тысяч человек, и далеко не все они выпускники. Ребята борются не за льготы, а за победу. Мой научный руководитель Израиль Моисеевич Гельфанд говорил: «Надо уметь изобретать дело, которое потом не будет от тебя зависеть», то есть будет самовоспроизводиться. Олимпиады — это как раз такое дело. Победители получают право на льготы при поступлении. Но подобных «льготников» немного — всего два процента участников. Этого недостаточно. И я настоял на том, чтобы у нас в МГУ, был собственный экзамен. Таким образом, в университете есть три показателя — олимпиады, собственный экзамен и результаты ЕГЭ. Сложно это для вас — не поступайте в МГУ. Мы ждем тех, кто не боится испытаний.

Тем более сейчас наступают времена, когда наука в университетах, по всей видимости, будет бурно развиваться. Это и хорошо, и плохо одновременно, потому что такая необходимость связана с трудным положением, в котором оказалась наша Академия наук.

Академия — это часть общества, и в разные периоды жизни общества она играла разную роль.

Фото: ИТАР-ТАСС / Андрей Голованов, Сергей Киврин. Ректор МГУ им. М.В. Ломоносова В.А. Садовничий во время эстафеты Олимпийского огня

Позади «золотые» времена военно-промышленного взлета, когда у нее был надежный госзаказ и три четверти академии работало на высокие технологии. Все генеральные конструкторы были руководителями институтов и отделений академии, она была чем-то святым. Действительно, наша страна тогда лидировала в научно-техническом отношении, и академия наук тут играла руководящую роль.

Грянули лихие 90-е. Институты остались, но заказы ушли. Ученые были вынуждены думать, как им быть. Ведь они по-прежнему

влечения науки в нашей стране исходя из того, что мы имеем. Что позитивного может дать это объединение? Какова наша совместная программа? Если мы предложим конструктивный план действий, власть должна нас всецело поддержать. Я не вижу будущего у страны, если этого не произойдет.

Так является ли благом объединение академий?

Сейчас мы на перепутье: с одной стороны, РАН должна самоорганизоваться, а с другой — власть должна понять, что за науку в России нужно держаться зу-

Примерно то же самое можно сказать и о Сколково. Если честно, то там ведь все копируется, своего ничего нет. Наверное, как эксперимент это может быть полезно, но уж очень дорогой эксперимент. Я все-таки сторонник того, чтобы подобные эксперименты проводились на базе университетов. Копия никогда не была лучше оригинала. Я с уважением отношусь к усилиям создателей Сколково. Они обратились к МГУ за разрешением разместить у нас ряд своих лабораторий, и я иду навстречу, но считаю, что надо раскручивать уже имеющийся потенциал. У нас пять тысяч аспирантов, пять тысяч кандидатов и столько же докторов наук. Это все толковые люди, поверьте. Почему их не использовать? Нас разделяет всего шесть километров, и я считаю, что надо развивать то, что есть, а не изобретать велосипед.

В Сколково все копируется, своего ничего нет. Наверное, как эксперимент это может быть полезно, но уж очень дорогой эксперимент.

хотели заниматься наукой, но где и как это делать? Значительная часть уехала — с мехмата МГУ в том числе. Сейчас в Америке вышла книжка — 300 математиков, которые перевернули образование в США. Наши люди, в основном с мехмата. Гельфанд, который тоже уехал, рассказывал, что семинары он там ведет на русском языке, хотя мог бы и на английском. Но в этом нет нужды. Заходя в аудиторию, он спрашивает: «Кто не понимает русский?» Все понимают.

Как же быть? Ведь настоящих научных заказов по-прежнему нет.

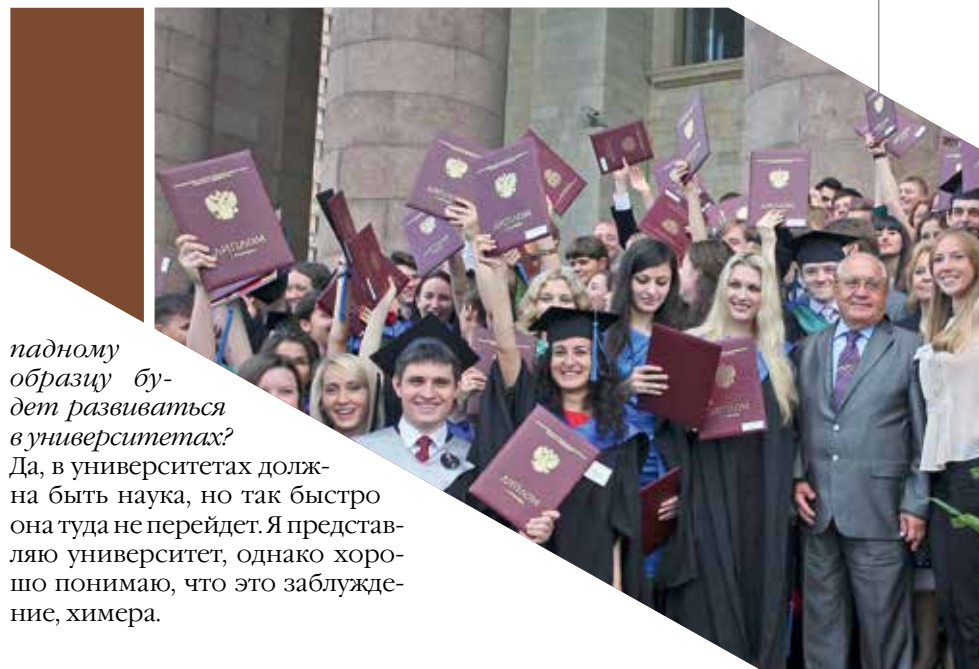
И поэтому возник вопрос, что делать с академией. Появилась идея объединения трех академий — ведь Академия медицинских наук тоже, в общем-то, занимается наукой. Идея сама по себе приемлемая. Но что дальше? Ведь в любом деле надо видеть плюсы. Выступая на заседании Президиума РАН, я сказал, что если мы будем и дальше анализировать, правильно или неправильно мы делаем, то зайдем в тупик. Надо искать пути укреп-

ления науки. У нас большой потенциал. Я бы не анализировал плюсы и минусы реформы — она уже произошла, а продумал бы пути развития отечественной науки на ближайшие три — пять лет. Если мы не сумеем этого сделать, у нас не будет науки.

Как Вы относитесь к утверждению о том, что наука у нас по за-

Виктор Антонович, в последнее время немало упреков звучало в адрес экономического факультета МГУ. Говорят, он сильно отстал от современных реалий. Вы с этим согласны?

Отчасти согласен — да, факультету надо развиваться. Сейчас его возглавил новый декан, на которого мы возлагаем определен-

падному образцу будет развиваться в университетах?

Да, в университетах должна быть наука, но так быстро она туда не перейдет. Я представляю университет, однако хорошо понимаю, что это заблуждение, химера.

ные надежды. Однако быстро, одним махом революции здесь не сделаешь. Экономисты, как и врачи, поделены на кланы. Поэтому объединить всех экономистов под одним знаменем невозможно. Но можно укреплять экономическую науку сильными кадрами. Здесь у нас многое делается. В бытность Аскара Акаевича Акаева президентом Киргизии я у него часто бывал, мы дружили. И когда в Киргизии произошли известные события, я ему позвонил и пригласил работать в МГУ. Он принял предложение. За это меня многие потом благодарили. Надо сказать, он просто выдающийся ученый и человек замечательный — экономист и математик от Бога, ас системного анализа.

Я верю в своих студентов. Не сомневаюсь, что российская земля по-прежнему может рождать своих «Платонов и быстрых разумов Невтонов».

Я мечтаю, чтобы у нас появился некий экономический клуб, где могли бы собираться наши бывшие выпускники экономисты. Пусть даже у них разные взгляды, не страшно. Создать площадку для обмена мнениями — это всегда ценный опыт.

Виктор Антонович, стройотряды в большинстве вузов давно ушли в прошлое. У Вас же они растут и множатся. Зачем? Я рассматриваю стройотряды как наше безусловное достижение, как инструмент патриотического воспитания. У нас они не просто остались — их численность год от года растет. В моем понимании патриот — это порядочный человек, любящий свою землю и людей, что живут рядом. Американцы плачут, когда звучит их гимн. Плакать, конечно, не обязательно, но мы должны уважать свою страну. Стройотряды — хорошая форма организации ребят, которые в том возрасте, когда в голову много

чего приходит. И не только хорошее. Стройотряды — это работа, она дисциплинирует, что очень полезно для молодого человека, для будущего ученого. Ребятам идея стройотрядов нравится, мы им ничего не навязываем.

Вы ведь сами когда-то возглавляли стройотряд?

На первом курсе мехмата мы строили станцию аэрации в районе Битцы, на третьем курсе — МКАД. Если меня когда-нибудь остановят на посту ГИБДД в районе Ленинского проспекта, обязательно скажу, что на этом месте стояла моя палатка.

У меня есть и трагическое воспоминание: мы добывали в карье-

ре камень, самосвал сорвался в карьер, и один парень погиб. Из Мурманска в Москву приехал его отец: «Где мой сын?!» Я беру билеты, мы летим на целину, потом едем полдня на машине... Да, погиб парнишка. С тех пор я курировал эту семью — у них был еще младший сын, которого я принял в школу имени Колмогорова, потом он поступил на мехмат, и родители часто сюда приезжали. Так что стройотряды — это не прогулка, а школа мужества, и порой случаются трагедии. Хотя лучше бы их не было...

Сейчас у нас каждое лето выезжают 600–700 человек. Хотелось бы, чтобы это были не только строительные отряды, но и компьютерные, медицинские, словом, чтобы охват специализаций был как можно более широким. Количество участников стройотрядов каждый год увеличивается. Нынешним летом их было уже под тысячу...

Виктор Антонович, что Вы считаете главной сегодняшней проблемой?

Пожалуй, это потеря отраслевой науки. Мы занимаемся наукой фундаментальной, но из-за потери отраслевой науки утратили нюх — а что потом? Это проблема не только нашего университета. Скажем, изобрел какой-то студент новое лекарство или способ его получения — и забыл. Нет у молодых людей стремления внедрять открытия. Конечно, для этого существуют менеджеры, но надо помнить, что голый менеджмент без научных результатов — это пустое. Необходимо сочетание фундаментальных результатов и хорошего менеджмента, обеспечивающего внедрение. Именно с этой целью мы создаем технологическую долину — хотим максимально сократить имеющийся разрыв. На Западе накоплен богатый опыт такого рода, который не грех перенять. Там, например, хорошо развита сеть университетских клиник, где изучается человек, — это симбиоз фундаментальной и сугубо прикладной науки. Сейчас и у нас появился уникальный медицинский центр, он уже работает. А в технологической долине будут лаборатории, где молодые люди смогут не только проводить исследования, но и налаживать производство. Это реальность, а не мечты.

Кое-что уже удалось внедрить. Так, в Туле мы построили медицинский прибор, так называемый тактильный аппарат: в недоступное для руки хирурга место делается прокол, вводится щуп, чувствительная схема все отображает на экране, а специальная «груша» принимает форму больного органа. Хирург видит, с чем имеет дело. Уже создана и работает тысяча таких аппаратов. В Балашихе мы построили завод по производству тормозных колодок — это тоже фундаментальная идея, внедренная в практику. Хотя в целом, повторюсь, наши университеты слабо

ориентированы на внедрение. Тут работы непочатый край.

Правда ли, что Вы коллекционируете камни?

У меня есть две потрясающие коллекции — камней и картин. Лет пять — семь назад академик Дмитрий Васильевич Рунквист, известный геолог, познакомил меня ситальянцем, живущим в Триесте, который собирает агаты, аметисты и другие драгоценные и полудрагоценные камни. Его имя Примо Ровис. Это уникальный человек, сделавший состояние на кофе. До войны он стал олигархом, а после войны увлекся собиранием камней. У него лучшая в мире коллекция. Двухметровые друзья аметиста — это что-то потрясающее. Ровис не просто богатый коллекционер, но и меценат, активный общественный деятель — строит госпитали для кардиологических больных, помогает многим людям.

30 лет назад у него были проблемы с сердцем, и ему пересадили сердце девушки. Уже более трех десятилетий Примо Ровис живет с этим сердцем. Мы подружились, я съездил к нему, он — ко мне. И однажды вдруг говорит: «Виктор, я тебе подарю 500 экземпляров». А это несколько вагонов! Он оплатил таможду, транспорт, и эта коллекция приехала в МГУ. Представляете?! Правда, еще он сказал: «Купи у меня остальное».

Надо сказать, я всячески старался найти покупателя для этой коллекции, летал туда с Сергеем Мироновым, который тоже собирает камни. Год назад нашелся человек, который изыскал необходимую сумму и купил у Ровиса основную часть коллекции для МГУ. Таким образом, мы стали обладателями уникальной коллекции камней. Сейчас выставлено где-то пять процентов, остальное в запасниках. В технологической долине, которую мы строим, откроется Музей камней, и ему не будет равных в мире. Приходите!

Вторая коллекция — тоже подарок судьбы. Не знаю, за что мне такие подарки. Бывший президент «Экспоцентра» Владимир Малькевич всю жизнь собирал картины — Левитан, Шишкин, Васнецов... Год назад он решил подарить свою коллекцию, 300 картин, какому-нибудь

музею. Стали искать подходящий музей. А надо сказать, что в «Экспоцентре» работает моя дочь, и я ей сказал: «Аня, ты подскажи, кому нужно подарить». В результате коллекция была передана МГУ, хотя я до сих пор не могу до конца в это поверить. В библиотеке открыта экспозиция, она свободна для посещения. Вот такое счастье.

Когда Вы учились в МГУ, было время романтиков. Оно осталось в прошлом?

МГУ по-прежнему живет довольно разнообразной культурной жизнью. 20 лет назад я выдвинул идею — организовать регулярные встречи «Ректор МГУ приглашает». Что это такое? Печатается билет, на котором пишется число, время, когда к нам приезжает, например, Валерий Гергиев, Юрий Башмет, Владимир Спиваков... Такие концерты проходят примерно раз в месяц. Собирается полторы тысячи людей, и все это бесплатно. Приглашаются только мастера высокого класса. Подобные мероприятия вошли в такой режим, что я могу уже не приглашать — сами придут. По традиции это происходит 3-го числа каждого месяца. Я считаю это большим своим достижением.

И в то же время что-то важное ушло. Помню, я покупал абонемент на месяц и мог ходить на все мероприятия. Это было потрясающе интересно! В МГУ проходили творческие встречи. Например, приезжал Баталов, говорил с нами, потом показывали фильм «Девять дней одного года», или Смоктуновский. Сейчас не то. Наверное, время другое, более прагматичное. Но я верю в своих студентов. Не сомневаюсь, что российская земля по-прежнему может рождать своих «Платонов и быстрых разумов Невтонов». Так что, если подводить итоги, жизнь у меня насыщенная, но самое интересное, надеюсь, еще впереди. ■

ПЭС 14078/29.05.2014